

Эти результаты заслужили высокую оценку храма. Какое-то время Перси превозносили как второстепенного героя. И с этим Наума Лаумарл, его старший офицер, снова победоносно бродил вокруг. Он провел несколько напряженных дней, объясняя, как он сам учил Перси тактике, и был полон одобрений и ожиданий на будущее.

Сам Перси тоже был в приподнятом настроении. Казалось, что сожаления по поводу его первой кампании, накопившиеся в его груди за последние семь лет, немного прояснились. С учетом вышесказанного, военная слава Перси Лигана не распространиться повсюду, и он не верит, что они победят именно благодаря этому. В конце концов, семеро заключенных, которых они взяли, были не более чем мародерствующими солдатами, которых наняли за гроши. И хотя один из них действовал в качестве связующего звена с другой базой, местонахождение которой заставили его выдать, их общее положение не улучшилось.

С этого момента действия противника снова изменились.

Обычные солдаты Аллиона наконец начали двигаться. Во-первых, их вооружение изменилось: они были полностью экипированы и имели большое количество орудий. Что еще более важно, звук от грохота колес показал, что они даже принесли пушки.

Храм же перевозил содержимое со второй базы противника и перестраивали его в одно из своих собственных укреплений, но она было возвращена до того, как они успели моргнуть. Они, конечно, догадались, что враг будет пытаться вернуть базу, поэтому они планировали усилить ее оборону и использовать момент, когда их противники были соблазнены, развернуть ударную силу и захватить их в клещи, но противник действовал слишком быстро для них.

Прежде чем кто-либо узнал, что происходит, основные силы Аллиона, вооруженные пушками, прибыли к подножию горы. Хотя храм также волнами посылал скоростные войска, противники отличались от мародеров, с которыми они сталкивались. Благодаря повторяющимся трехсторонним атакам по тропам и склонам холма они едва могли отбросить их назад, но именно храм понес наибольшее количество жертв.

Каждый день был серией жестоких сражений. Подразделение Перси также было временно отозвано из того места, где оно было размещено, и их снова и снова отправляли в эти сражения. Большинство солдат больше не могли двигаться из-за своих ран. Хотя Перси, Куон и Камю, остались невредимыми, они не могли скрыть истощения на своих лицах каждый раз, когда отряд возвращался.

Солдаты Аталла и вооруженные монахи храма продолжали бороться, беспокойство, которое Перси долго держал в себе стало реальностью: как только они увидели, что ситуация становилась опасной, наемники, которые были в основном преступниками, трусили. В середине битвы они оставляли своих союзников и бежали без всяких сомнений. В этом не было ничего тактического, и они были бесполезны в лобовом бою.

«Чертовы трусы», - рявкнул Камю однажды вечером, пламя от близлежащих костров бросило яркий свет на его лицо. Чаша из тонкой пшеничной каши в руках дрожала. Кроме нескольких

кусочков репы, в бульоне больше ничего не было. - «Это Божий святой крестовый поход для уничтожения зла. Отныне нам нужно собирать всех в храме, чтобы объяснять им учения Бога. Если все здесь сражаются без страха и используют свои тела в качестве щитов в нашем святом деле, мы могли бы уничтожить эту кучу в кратчайшие сроки ».

- "Значит, эти учения излечат всех от страха смерти, если ты проповедуешь их одну ночь?" Перси прекрасно знал, что это не так, но ему хотелось высмеять этого добродетельного парня.

- "Это действительно полезные учения. Но когда священники, которые каждый день дисциплинируют себя, не уверены, что они смогут обрести мудрость. Забудьте об одной ночи, похоже, что они не смогут достичь правильного состояния ума за десять или даже двадцать лет".

"Чего?" его раздражение вызвало, Камю впился взглядом в Перси, но тут же вмешался Куон, лежавший у костра, завернувшись в одеяло.

"Согласен. Я видел, как многие священники дрожали, просто услышав звук выстрелов, а затем убежали в то же время, что и эти бандиты », - сказал он.

Камю стиснул зубы, прежде чем резко поднять голос.

"Так или иначе! Мы более или менее одинаковы. Так что это означает, что тот, кто показывает больше духа, побеждает! »

Интересно ... Перси был сомнителен, но на этот раз он ничего не сказал.

Каждый день их сторона получала раны, но не казалось, что враг получает какой-то реальный урон. Враг отступил, когда его отодвинули, вернулся, снова оттолкнули назад и не один раз. Вероятно, это потому, что у них все еще было много еды, пуль, стрел и так далее, чтобы неправильно процитировать Камю: стороне Аллиона не нужно показывать дух.

Независимо от того, пришли ли они к такому заключению, скрестив с ними лезвия или узнав информацию, полученную от шпионов, которые проскользнули в храм, силы Аллиона, похоже, решили, что не нужно рисковать. Их повторных наступлений и отступлений было достаточно, чтобы довести храм до изнеможения, и он скоро разрушит себя.

Кроме того, слухи о том, что Аллион продвигался с помощью пушек, плохо влияли на деревни у подножия горы. Опасаясь, что их дома сгорят, все жители деревни бежали в храм. Стоимость снабжения продовольствием возросла, и положение храма, конечно, только ухудшится. Перси заглянул в свою деревянную миску: несколько дней назад в тонкой каше не оказалось мяса.

К счастью, он был прав в своей оценке, что у врага не было достаточно воинов, чтобы осадить гору. Епископ Рогресс отправлял лошадей в города и деревни, чтобы покупать продовольствие,

но даже до этого их средства были не безграничны. Кроме того, они не могли путешествовать под усиленной охраной, поэтому, когда их заметили мародеры - будь то патруль Альянса или нет - деньги и еда были украдены.

Вскоре в каше не будет даже репы. Как только это произойдет, учитывая количество людей с вспыльчивым характером, вокруг разразятся ссоры из-за раздачи еды. Люди начнут уходить один за другим.

- «Говорят, что Небеса помогают тем, кто помогает себе. Если мы покажем, что не поддадимся несправедливости, то, естественно, мы пойдем по пути праведности, которую нам даровало учение Бога ». Однако энтузиазм Камю остался неизменным.

Хотя Перси начинал так думать, что он говорил это, чтобы убедить себя, он не мог не завидовать способности Камю думать так. И так :

«Что такого сложного? Что важно, так это вражеский генерал. Если мы сможем выследить его, мы сможем выиграть бой ».

Он также завидовал простому взгляду Куона на вещи. На этом насильственном поле эти убеждения могут быть подобны лезвию, которое раскололось по несчастью.

Старший офицер Перси, Наума Лаумарл, с другой стороны, дрожал от ужаса. Как будто его хвастовство всего несколько дней назад не имело место быть. Он уединялся внутри, а солдаты Аталла внимательно следили за зданием.

«Скоро ли будет время?» он спросил, когда он вызвал Перси, его тон почти соответствовал одному умоляющему разрешению.

Наума был настолько мысленно загнан в угол, что даже обратился за советом к Перси, которого ненавидел, как будто он был экспертом в области битвы.

«Мы сражались достаточно. Мы достаточно выполнили наш долг как подкрепление. Возможно, нам следует отправить нашего посланника принцу с просьбой разрешить уйти », - добавил он.

Его не стоит обвинять. Сам Перси снова и снова думал, что это, в конце концов, борьба без надежды на победу, которая не принесет даже военной славы. Не стоило рисковать своей жизнью. Он знал, что подразумевается под этим «скоро наступит время». И все же его сердце не могло сразу отпустить.

Есть ли что-то ... какой-то план?

Формирование противника не было разложено перед ними как какая-то неприступная железная стена. Аллион был Аллионом, но казалось, что по какой-то причине они не смогли

привести сюда большое количество войск. Вот почему Перси не мог легко сдаться. В некотором смысле, было бы предпочтительнее, если бы они привели армию настолько огромную, что даже Перси был бы вынужден думать также, и мы потеряем наших солдат ни за что.

Прямо сейчас должно быть что-то, что они могли бы сделать. Но человек, несущий ответственность за командование, действовал со слабым коленом.

«Как ты можешь быть таким трусливым!» Перси пытался упрекнуть его.

Он сильно ударил по столу. Наума Лаумарл смотрел на него с открытым на мгновение ртом, а затем на его лице появилась злобная малиновая вспышка. Он собирался встать, но Перси опередил его, сделав шаг вперед, чтобы встать прямо перед ним. Наума, очевидно, думая, что он действительно собирается на него напасть, отступил в паническом крике.

- «Если вы уйдете сейчас, храм будет похож на здание, которое утратило опорную колонну и в любой момент может рухнуть. Все присутствуют здесь именно потому, что лорд Наума Шаллинг с ними, и потому, что они купаются в его блестящей военной славе, они способны оставаться веселыми и полными мужества ».

-«О-о... это правда? Нет ... Я имею в виду, это прпвда! Наума Лаумарль смущенно моргала от начала до конца.

- «Тогда извините меня», - все, что сказал Перси перед выходом из комнаты.

Честно говоря ... Говорить так грандиозно - на меня влияет Камю? Было трудно удержаться от улыбки.

Вечером того же дня со стороны Аллиона прибыл посланник. Одиноким всадник, который скакал прямо к воротам, как только поднял свой флаг.

«Я прошу аудиенцию у Его Превосходительства епископа», - заявил он громким голосом.

Епископ Рогресс согласился на встречу. Однако он не собирался говорить с ним наедине. Их встреча состоялась на общественной площади перед храмом. Когда они встретились, их, конечно же, окружила толпа людей. Перси, Камю и Сара были среди них.

Перси мог легко догадаться, что скажет посланник. И, как и ожидалось, он посоветовал им сдаться. Он сказал, что, если епископ Рогресс сдастся генералу, дальнейший урон не будет нанесен горе.

«Это королевское решение, ваше превосходительство».

Больше, чем его слова, Перси поразил достойное отношение посланника и глубокий, громкий тембр его голоса. По внешности он выглядел в точности как главарь бандитов, но, судя по его спокойной и собранной манере, не было никаких сомнений, что он, должно быть, известный военный командир.

Это удивительно ...

Не было ничего необычного в том, чтобы выбрать кого-то чтобы предложить сдаться. Храм Конскон, однако, не был страной. Но даже несмотря на это, и даже зная, что он использовал преступников в качестве наемников, этот посланник проявлял предельную вежливость к тем, кто стоял напротив него.

Тем не менее, ответ епископа не был благоприятным. Этого также следовало ожидать. Это было предсказуемо из самого факта, что он решил встретиться с посланником перед большой толпой.

«Я благодарю вас за исключительную заботу. Я могу сказать, что вы порядочный человек, и я благодарю вас за это. Однако, со справедливостью и праведностью на моей стороне, я буду твердо противостоять злодеям, которые повторяют те мерзкие, клеветнические слухи, что я произносил проклятия. Мудрые уже понимают, кто на самом деле желает этой битвы и каковы их замыслы ».

На этот раз слова епископа произвели глубокое впечатление на верующих. Каждый из них поднял мечи или копья, которые они держали в руках.

«Аллион дикари, возвращайся в свою страну!»

«Вы думаете, что сможете обмануть нас, обещая мир в обмен на Его Превосходительство, епископа?»

Все они подняли восторженные крики. Епископ поднял руку, чтобы они успокоились, а посланник выглядел подавленным.

«Кажется, между вашим превосходительством и нами есть недоразумение. Вот почему, епископ Рогресс, если вы вернетесь в Аллион и объясните все своими словами...

«Моя часовня была подожжена, и ни в чем не повинные верующие, которые выполняли свою работу в качестве слуг Божьих, погибли в огне. Их души не получили достаточного количества молитв, чтобы безопасно направить их за горизонт, но я не хочу ступать туда, где преступнику, который зажег огонь, позволено без посторонней помощи прожить свою жизнь ».

Ни в выражении епископа, ни в его голосе не было никаких следов сильных эмоций, но то, что они смотрели на них глазами, похожими на хрустальное стекло, должно быть, нервничало для

посланника. Это было даже для Перси Лигана, который наблюдал со стороны.

Только благодаря епископу Рогрессу Храм Конскон стал достаточно сильным, чтобы волновать даже Аллиона, и в то же время он добился этого с помощью Аллиона.

- Это было около семи лет назад.

Принц родился в Королевстве Аллиона. До коронации короля женщина из купеческого дома родила ему бастарда, это был его первый ребенок от законной жены. Но ребенок был недоношенным, и сразу после рождения он завис между жизнью и смертью. Несмотря на то, что ему удалось выжить несколько дней, впоследствии он часто болел и постепенно становился настолько слабым, что стало трудно даже давать ему молоко.

Король и его жена были в смятении. Хотя, естественно, это было отчасти из-за любви к своему ребенку, это также было связано с тем, что в Аллионе старшим сыном законной жены считалось злым предзнаменованием умереть молодым. В самом худшем случае другие члены королевской семьи, которые ранее отказались от своих амбиций на престол, могут даже заявить, что «наш нынешний король навлек на себя ненависть духов, и мы опасаемся, что страна может впасть в хаос из-за этого », и используют это как праведный предлог для поднятия армий.

Царь собрал врачей со всей страны и мобилизовал каждого колдуна в стране. Он даже призвал перед собой шаманов, по слухам, гуляющих среди простых людей имеют «духовные способности», или жрицу, служащую богам, о которых никто никогда не слышал.

Рогресс был также среди них. В те дни он служил священником лорду замка в Аллионе. В прошлом он мгновенно вылечил жену владыки замка, которая была прикована к ее кровати из-за болезни и поэтому, хотя королевская власть Аллиона не имела отношения к Вере Креста, король ухватился за этот факт.

«У меня никогда не было ничего, кроме поверхностных знаний о медицине. Именно благодаря милосердному откровению Бога такой, как я, смог исцелить жену владыки замка », - заявил Рогресс ясным голосом перед королем. «Милосердие, бескорыстная любовь и самоотверженная преданность Богу необходимы для получения божественного откровения».

Рогресс продолжал рассказывать о старом храме, который разрушался за пределами территории Аллиона.

У короля больше не было соломинок, за которые он мог ухватиться; В настоящее время он послал достаточно денег и людей, чтобы восстановить часовню в храме. Всего через семь дней Рогресс молился без сна и покоя в этой часовне. Еще через семь дней он вернулся, неся «чудодейственное лекарство, которое было сделано в соответствии с божественным откровением». Хотя его впервые попробовали на яд, не было никакого желания кормить ребенка грудью. Фактически, поскольку ребенок уже достиг последних крайностей слабости, король лично кормил его лекарством.

После чего, как бы чудом, здоровье принца быстро улучшилось. Он восстановил в себе силы сосать грудь своей матери, его тело стало пухлым, и он так плакал ночью, что те, кто заботился о нем, не знали, что с ним делать.

Король был в восторге.

Как и попросил Рогресс, он послал деньги, чтобы продолжить восстановление храма. У него был внушительный храм, построенный в столице, и он позволил Рогрессу широко распространять прозелитизм. Эти близкие отношения с королевской семьей продолжались почти семь лет.

Поскольку число верных в королевстве увеличилось, Рогресс взял на себя роль советника королевской семьи и часто делал политически загруженные замечания. Он критиковал, как Аллион постоянно находился в состоянии войны с соседними державами, и он также осудил аристократию за их распутный образ жизни. Его присутствие стало восприниматься как раздражение, и при дворе родились движения, противостоящие ему. Они объединились и заявили, во-первых, что Храм Конскона собирал торговцев, чтобы заработать деньги, и, во-вторых, что они снабжали иностранных врагов оружием.

Они распространяли слухи о том, что на наших землях Рогресс проповедует божественную любовь, но вне их он готовит вооруженные группы. Он пользуется привязанностью короля к нему и планирует взять на себя руководство вооруженными силами Альянса и его политикой.

Несмотря на это, Рогресс пользовался поддержкой бесчисленных верующих и поддержкой короля, когда он выступил против этих голосов, произошел вышеупомянутый пожар, и у него не было выбора, кроме как бежать в храм.

Что подводит нас к нынешней ситуации.

- Это был епископ Рогресс. Отношение к посланнику относилось к тому, кто был достоин и измерен как в его манере, так и в его действиях. Его лица не выражало эмоций, но сзади было легко увидеть, что он решил больше не бежать.

Перси не мог не задаваться вопросом, мог ли епископ каким-то образом видеть будущее, или просто он не чувствовал страха перед смертью из-за своего бога.

Духи монахов-воинов были возбуждены до такой степени, что от них практически поднимался пар. Недалеко от него Камю был тронут до слез. Как мужчины они, несомненно, будут использовать свои копья на стороне епископа и будут продолжать сражаться против Аллиона, пока их тела не будут пробиты пулями.

Посланник, вероятно, разделял это впечатление; он оставил несколько вежливых слов епископу, а затем вскочил на коня. Когда он уходил, солдаты наносили жестокие оскорбления его отступающей спине.

Как грубо, как и следовало ожидать, подумал Перси, и он подбежал к посланнику, взял кусочек лошади и предложил вывести его. Посланник улыбнулся на коне.

«Прошу прощения, но я не услышал ваше имя. Могу я спросить, что это?»

«Ничего особенного, но меня зовут Клод Англетт».

Подожди ... этот Клод?

Перси был удивлен, но в то же время он без труда поверил в это, учитывая достойное поведение человека.

Между Клодом и Княжеством Аталл существовала связь, или, точнее сказать, обреченная связь. Перси слышал, что на войне именно этот человек добился величайших достижений.

В самом конце, когда он уходил через ворота храма, Перси крикнул ему:

«Вы отлично справились со своей обязанностью посланника».

Клод искренне улыбнулся и кивнул, затем взмахнул поводьями своей лошади и поскакал прочь.

Я слышал, что он поднялся по служебной лестнице от простого солдата. Аталл, вероятно, не может разводить такого человека.

Именно из-за своей юности он мог так думать о воинах из своей страны.

Некоторое беспокойство ощущалось в его сердце, и сожаления по поводу его первой кампании были не далеко от него. Ему пришло в голову, что другая сторона, возможно, даже не признает их «врагами», и чувства, которые сразу же начинают бурлить в нем от этой мысли, напоминают черные дождевые тучи.

И это было сразу после того, как он сделал выговор Науме.

Мы победим. ... Я не могу смотреть достаточно далеко, чтобы сказать это, но, по крайней мере ... По крайней мере ... чувства Перси встряхнулись в нем.

Позади него монахи-воины все еще кричали. Сара отошла от этой толпы. Она продолжала поворачивать голову, чтобы оглянуться назад.

«Я иногда задаюсь вопросом, видят ли мужчины то, чего не видят женщины? Или мужчины не

видят, что делают женщины?

«Это было загадкой с незапамятных времен,» ответил Перси с старательно серьезным лицом.

Сарра в основном хотела сказать, что люди глупы. Без сомнения, она видела вещи несколько более реалистично, чем ее старший брат, поэтому перси поинтересовался:

«Но, мисс, несмотря на то, что вы видите эту войну не так, как мужчины, вы, похоже, не хотите от нее убежать».

"Мисс? Вы очень далеки, лорд Перси. Вы можете обращаться ко мне просто как к Сарре, - сказала она нарочито формально. Тем не менее, когда она произнесла свое собственное имя, выражение ее глаз было слегка застенчивым.

Она была совершенно загадочной девушкой. Когда она ссорилась с Куоном, она была в точности как ребенок, но когда они разговаривали только вдвоём, он мельком видел молодую девушку, и было также то время, когда она стреляла прямо в лоб мужчине который ранил ее подругу. Излишне говорить, что она вряд ли была из тех девушек, которых можно было найти в суде.

Сара все время оглядывалась вокруг и поглаживала свои волосы, выглядя взволнованной. Казалось, она хотела сказать что-то еще, но Перси сознательно воздержался от передачи ей реплики и молчал. Таким образом, после добавления ее следующих слов с неестественно звучащим «говорением о котором...» -

«Куда ушел этот идиот?» спросила она, не в силах больше терпеть. На этот раз Перси с трудом удержался от улыбки.

«Этот идиот? Никто из тех, кого я знаю, не заслуживает того, чтобы его так беспощадно называли ».

«Хорошо, я прошу прощения за то, что назвал его идиотом. Более привычный способ говорить о нем - называть его дикой обезьяной и деревенским козлом. Я не видела его давно, может ли он быть убит? Нет ... если бы он погиб, мой брат сказал бы что-нибудь, но я не помню, чтобы что-нибудь подобное слышала. Или, может быть, он испугался боя и ушел обратно на гору?

«Вы говорите о Куоне?» Хотя ответ был очевиден, Перси задал вопрос тихим голосом, глядя вниз на землю. Сара внезапно ахнула при виде этого, и он посмотрел на нее. «Он... Правильно, он... действительно, смелый человек».

"Этого не может быть ... Ты серьезно?"

«Это из-за этой смелости ...»

«Не... не говори больше», длинные волосы Сары качались, когда она яростно покачала головой. «Я смеялась над ним и называла его идиотом и дикой обезьяной. Но Перси, я бы никогда не поверила, что он может так легко умереть.

«Ой»

«Если что-то подобное должно было случиться, я должна была быть добрее. Это сожаление никогда не покинет меня. И подумать, что я всегда надеялась, что этот храм станет теплым домом для детей, дрожащих от холода и голода. Куон тоже ... Правильно, он был как ребенок. Если бы я могла с самого начала ясно увидеть его таким, возможно, я бы даже полюбила его, как ребенка... »

«Ой»

«Куон ... Его душа должна быть в мире. Теперь, когда грязная земля держит его в своих объятиях, я могу только надеяться, что этой молитвы, предложенной Богу, будет достаточно ».

Когда Сара произносила слова молитвы, ее длинные ресницы были опущены вниз, она выглядела как святая, но голос продолжал кричать «ой» со слишком сильной настойчивостью.

"Чего?" Святой образ исчез, что знате куда, и она подняла взгляд, похожий на взгляд рычащего волка.

Затем -

«Я сказал вам, чтобы вы подвинулись. Вы стоите прямо посреди дороги. Вы хотите быть растоптанными до смерти? Куон резко крикнул с коня.

«Хейя», небрежно сказал Перси, поднимая руку, в то время как кровь лилась с лица Сары. «Вы прибыли быстрее, чем ожидалось. Каков результат? Враг вас не заметил, верно?

«Я прошел несколько разведывательных групп, но похоже, что эти парни слепы, как летучие мыши в темноте. Они не думают и просто поднимают свои факелы, и они смотрят только на освещенные части ».

«Тогда никаких сюрпризов. Мой взгляд на выбор был абсолютно безошибочным.

Перси выпучил грудь так же, как это делал Куон верхом на лошади, но что-то продолжало тыкать его в плечо. Ему не нужно было оборачиваться. За его спиной вспыхнуло присутствие ревущего пламени.

«Скажите, мистер Перси, сэр Перси, лорд Перси?» Лицо Сары без выражения было рядом с его. «Пожалуйста, не продолжите ли вы свою историю из более раннего? Храбрый человек. И из-за этого мужества... - что ты собирался сказать дальше?

«Нет... Ну, я хотел сказать, что, поскольку он был храбрым, я давал ему особую миссию».

Я слишком много шутил? На этот раз именно Перси торопливо схватил коня Куона, прежде чем поспешно уйти.

«Теперь расскажи мне всю историю. Но не здесь. Я подумал об этом, и я не хочу, чтобы

слишком много других людей слышали об этом ».

«Понял», Куон послушно последовал за ним. Было бы неплохо, если бы он продолжал быть таким послушным, но он повернулся к Саре, которая стояла прямо как шомпол, и сознательно позвал ее с другим «ой».

«Я слышал тебя, ты знаешь. Если бы вы любили его как ребенка, я бы сто раз прыгал прямо на врагов, вооруженных оружием ».

«А? Да, верно, это верно, - вместо того, чтобы смотреть на Куона, Сара вызывающе улыбнулась, показывая свои белые зубы. «Во что бы то ни стало, пожалуйста, сделайте это в следующем бою. И если ты всё-таки выживешь и вернешься, я с радостью выстрелю тебе в лоб ».

<http://tl.rulate.ru/book/17716/802277>